

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

122

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1970

IV. СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

В. И. РАСПОПОВА

СОГДИЙСКИЙ ГОРОД И КОЧЕВАЯ СТЕПЬ
В VII—VIII вв.

На огромной территории от Тихого океана до Средней Европы в VI—VIII вв. были распространены сходные, а в некоторых случаях даже идентичные типы вооружения, украшений, посуды из драгоценных металлов (рис. 5). Эти предметы происходят как из памятников, связанных с кочевыми народами — тюрками, аварами, хазарами и др., так и из памятников оседлых народов — персов, согдийцев, китайцев. Обычно сходство вещей, которое сразу бросается в глаза, объясняли переселениями кочевых племен. Однако их разительное сходство у разных и часто враждовавших между собой народов показывает, что они не являются признаками этнической принадлежности, тем более что на этой огромной территории засвидетельствованы разнообразные погребальные обряды, очень различные типы поселений, совершенно различная керамика.

Все три рассматриваемые категории вещей связаны с воинской, аристократической средой раннесредневекового общества.

Письменные источники VI—VII вв. сохранили восторженные описания ставок тюркских каганов, причем в оценке роскоши кочевых предводителей сходятся как византийские, так и китайские путешественники. Произведения торевтики, которые видел в ставке тюркского кагана византийский посол, не уступали произведениям византийских мастеров. На западе кочевого мира мы имеем археологические материалы, позволяющие представить образ жизни аварских и болгарских князей. Д. Ласло в своей монографии об аварском обществе¹ показал, что в княжеских могилах имеется определенный набор вещей, обязательными принадлежностями которого являлись серебряные или золотые сосуды для питья, оружие — меч, лук, кочан со стрелами, два пояса, богато украшенные золотыми бляшками. В этих же могилах встречаются предметы роскоши иноземного происхождения. Набор таких же вещей характерен и для могил воинов, причем рангу воина соответствует определенный металл — не золото, как у князей, а серебро с позолотой, бронза с серебрением. Во многом аналогичный набор вещей характерен и для богатых погребений востока кочевого мира тюрков и кыргызов.

О вооружении тюркских народов мы можем судить по археологическим находкам и изобразительному материалу (каменные изваяния, наскальные изображения и т. п.). Обязательными предметами снаряжения и

¹ G. László. Etudes archéologiques sur l'histoire de société des avärs. «Archaeologia hungarica», т. XXXIV. Budapest, 1955.

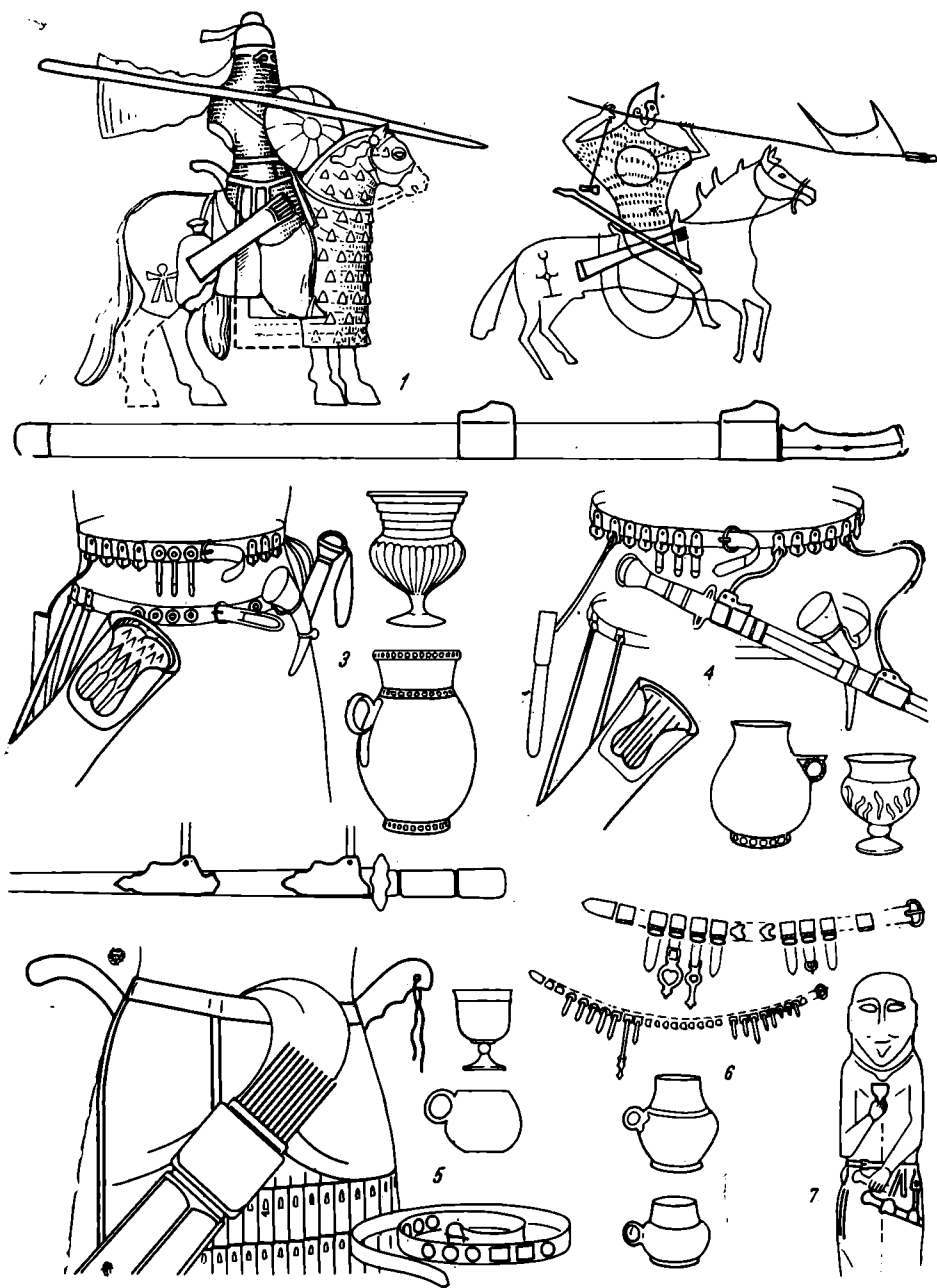

Рис. 5. Снаряжение воина и металлические сосуды VI—VIII вв.

1 — Иран, конная статуя в гроте Таки-Бустан, меч из Дейламана; 2 — Южная Сибирь, сулейская писаница; 3 — Авары (по Д. Ласло, fig. 61, tabl. XI, XLII); 4 — Перецентио (по Д. Ласло, fig. 83); 5 — Китай и Япония. Снаряжение воина по рельефу из погребения императора Тай Цзуна. Сосуды эпохи Тан. Меч и пояс из Шосонна; 6 — Алтай (по А. А. Гавриловой — «Могильник Кудымг». М.—Л., 1965, табл. XXXI, 40, 41, 55, 56); 7 — Семиречье, каменное изваяние.

вооружения всадника-кочевника были седла со стремянами, сложный лук, который носили в спущенном виде в узком длинном налучье, колчан, обычно расширяющийся книзу, в который стрелы клали остриями вверх. Колчан и налучье подвешивались к поясу. Кроме этого пояса у воина был и другой, на котором висели меч или сабля и кинжал. Пояса украшались наборными бляшками. Меч подвешивался наклонно на двух ремнях с левой стороны. Часто вооружение дополнялось копьем, топориком. Оборонительные доспехи состояли из длинного пластинчатого или кольчужного панциря, шлема с бармицей и нащечниками, небольшого круглого щита, подвешенного через плечо на длинной петле (рис 5, 2).

Войска кочевников VI—VII вв. представляли собой дружины с тактикой боя, рассчитанной на индивидуальную силу и выучку. Распространение стремян и седел с твердой основой делало удар копьем тюркского воина более сильным, таранным.

Стреляли из лука с большой меткостью и силой удара по индивидуальной цели. Ношение лука в спущенном виде давало возможность сохранить всю силу лука для выстрела, а благодаря расширяющемуся книзу колчану оперение стрел не мялось и стрела имела хороший стабилизатор. Наклонная подвеска меча, колчана и налучья позволяла воину в случае необходимости вести бой спешившись. Наличие второго, стрелкового пояса, видимо, связано с тем, что в бою лук и колчан легко было сменить.

Нельзя представлять себе конницу VI—VII вв. по образцу более поздней. Недостатком конницы VI—VII вв. была невозможность быстрого перехода от рукопашного боя к стрелковому. Но для своего времени это было сильное войско.

Военное дело кочевников оказало определенное влияние на развитие военного дела государств оседлых народов в VI—VII вв. Византийский военный специалист первой половины VII в. Маврикий в своем сочинении «Стратегикон» постоянно напоминает византийским полководцам о необходимости применения опыта аваров и тюрков. Эти наставления касаются прежде всего снаряжения: «Одежда самих воинов должна быть просторна, длинна и красива, как у аваров»; «...прикрытие морд и грудей лошадей латами, хотя бы из лоскутьев, как у аваров, которые предохраняли бы тем и груди лошадей, в особенности у тех всадников, которые во время боя должны быть впереди. При седлах должно быть два железных стремени, аркан и мешок для провианта. Четыре кисточки на спине лошади, одна на голове и одна под подбородком»; «палатки хорошо шить на манер аварских или турецких, так как таковые и красивее, и удобнее»².

Маврикий так же внимательно учитывает тактические приемы кочевников. Как и древние, «располагаются в боевом порядке теперь турки и авары... Они выстраивают боевой порядок не в одну линию, как римляне [имеются в виду византийцы.—В. Р.] и персы...»³ Иранские современники Маврикия претендовали на то, что они в своем конном искусстве не уступают тюркам⁴.

В гроте Таки-Бустан имеется изображение, как полагают, Хосрова II (590—628 гг.) на коне и в полном вооружении (рис. 5, 1). Конь защищен именно так, как советовал Маврикий: грудь, шея и морда коня покрыты доспехом из мелких пластинок, прошнурованных тонкими ремнями. Хосров II одет в кольчугу, поверх которой два наборных пояса. К нижнему поясу справа на двух ремешках подвешен колчан, несколько расширяющийся книзу, открытый сверху. Из колчана торчат стрелы вверх

² Маврикий. Тактика и стратегия. Перев. капитана Цыбышева. СПб., 1903, стр. 17—18.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Р. В. Кинжалов, В. Г. Луконин. Памятники культуры сасанидского Ирана. Л., 1960, стр. 10.

наконечниками. С левой стороны было узкое налучье, от которого виден только верхний конец. На длинной петле, спускающейся с шеи, висит небольшой круглый щит. Щит, видимо, имел металлическую оковку по краю, металлический умбон и шесть полос по радиусам. Лицо царя закрыто кольчужной сеткой. На голове — царский шлем. В правой руке всадник держал копье. Меча не видно, так как он находился на левой стороне. На охотничьем рельефе Таки-Бустана тот же Хосров изображен с мечом, подвешенным на двух ремешках, и с луком в руках. Видны наборные пояса с многочисленными подвесками. Таким образом, Таки-Бустан наглядно показывает влияние кочевнического вооружения в Иране. Вооружение более раннего времени в сасанидском Иране было другим: один пояс и портупея, с помощью которой меч подвешен вертикально, колчан также подвешен вертикально на бедре, налучья не было, панцирь был коротким — доходил только до бедра; поножи — из узких горизонтальных полос металла или толстой кожи и такие же наручи, заменившиеся иногда кольчужными.

Вооружение воинов, изображенных в живописи и скульптуре храмов Восточного Туркестана, имеет ту же тенденцию развития. Но новый тип вооружения не был принесен сюда в готовом виде, а развивался постепенно в течение V—VII вв.

Черты раннесасанидского типа вооружения засвидетельствованы в согдийской терракоте и росписях II храма Пенджикента, которые могут быть отнесены к VI в.

Интересные материалы для истории развития вооружения дают стенные росписи Афрасиаба, которые датируются VII в. На этих росписях интересно сочетание старого и нового типов вооружения. Новым являются стремена и наборные пояса, но сохраняется еще, по-видимому, вертикальная подвеска меча с помощью портупей. К той же портупее подвешен кинжал в вогнутых в середине ножнах. Архаические черты вооружения, изображенного на афрасиабских росписях, близки к некоторым росписям Восточного Туркестана.

Важный изобразительный материал по истории вооружения дают росписи Пенджикента и Варахши, датированные в основном концом VII — началом VIII в. Здесь в согдийском вооружении мы находим все черты, отмеченные нами при описании тюркского воина, однако вооружение согдийцев имело и много своеобразных черт. Мы остановимся здесь лишь на них. Согдийская конница была более тяжело вооруженной, чем тюркская. Защитное вооружение согдийца состояло из пластинчатого (так называемого ламеллярного) или кольчужного (очень плотного плетения), или часто того и другого вместе доспехов длиной до середины голени. Грудь и плечи иногда защищены, видимо, доспехом с кожаным покрытием. Кожато орнаментирована. Ноги и руки согдийцев защищены двустворчатыми шарнирными поножами и наручами из узких металлических пластинок. Шлемы имели каркасную конструкцию, такую же, как у многих ранних европейских шлемов. К шлему добавлялись нащечники из узких металлических пластин и кольчужная бармица. Иногда у воина была кольчужная сетка на лице. Видимо, с этим тяжелым доспехом связан и ряд особенностей военного дела согдийцев. Таковы узкие колющие мечи, которые неизвестны у других народов раннего средневековья. Развитый защитный доспех привел к распространению бронебойных наконечников стрел. В стрелковом вооружении согдийцев имеются некоторые отличия от тюркского. У согдийцев в налучье было обычно два лука. Наряду с тюркским типом колчана имеется и колчан, расширяющийся кверху, с торчащим из него оперением стрел.

Согдийская конница, как можно судить по росписям Пенджикента, атаковала в сомкнутом строю с копьями наперевес. Возможность держать строй обеспечивалась строгими удилами мундштучного типа. Часто при-

менялись металлические намордники. Такого рода мундштучные удила применялись тяжелой конницей в Иране в парфянское и сасанидское время. Тюрки, оседлые народы Восточного Туркестана и народы Юго-Восточной Европы применяли удила с псалиями. Таким образом, применение разного типа удил связано с разной тактикой боя — массированного удара сомкнутого ряда всадников и более подвижной, более индивидуальной по своему характеру тактикой кочевников. Согдийцам были известны удила с псалиями: есть их находки в Пенджикенте, они изображены на росписи Красного зала Варахши. В батальных сценах лошадь всегда изображена с мундштучными удилами.

Видимо, завоеватели Согда и Ирана — арабы заимствовали у своих врагов их вооружение. Так, в Каср-ал-Хайр-ал-Гарби найдена фреска, на которой изображен всадник с двумя поясами, луком, налучьем и колчаном согдийского типа⁵. Ноги всадника вдеты в стремена. У лошади — удила мундштучного типа.

В Пенджикенте раскопан ряд кузнечных и бронзолитейных мастерских, в которых изготовлялись оружие и предметы украшения. Согдийцам были известны все основные типы украшений, которые носили тюрки в VII—VIII вв., а также украшения, которых не было у тюрков. Так, например, в Пенджикенте были широко распространены кольца и перстни, которые весьма редки у кочевников. И даже в таких кочевнических вещах, как поясные наборы, в Согде имеются своеобразные украшения. Согдийские бронзолитейщики работали на вкус и по заказу кочевников, обогащая эти изделия элементами земледельческой орнаментации. Наглядным примером этому являются поясные наконечники и накладки с орнаментом в виде виноградной лозы, найденные в тюркских погребениях Семиречья и Томска, а также идентичные образцы из Самарканда и Пенджикента. Эти части поясных наборов, видимо, изготавливались в мастерских согдийских городов. Как показали анализ поясных наборов Согда и сравнение их с поясами тюркских народов, пояс VI—VIII вв. не является признаком этноса. Поражает быстрая смена типов поясных украшений, которая происходит в конце VII в. на большой территории степей, и появление этих вещей в оседлых памятниках. Новые формы появляются вполне сформировавшимися и стандартизированными. Выделяются три основных ареала поясных наборов: Паннония — Аварское государство, Юго-Восточная Европа — Хазарский каганат, Центральная и Средняя Азия — возродившиеся к концу VII в. тюркские государства. По-видимому, быстрые изменения поясных наборов теснее связаны с судьбами государственных объединений, чем с судьбами отдельных племен⁶. Потребность в стандартизированных поясных наборах, когда каждый воин имел пояс, могла быть удовлетворена только при наличии развитого городского ремесла. Ремесленники могли работать как у себя в городе, так и переселяться в ставки каганов.

Политические объединения кочевников, переходивших от союзов племен к государственным объединениям, использовали опыт своих оседлых соседей и подданных в создании государственного аппарата и во многом перенимали быт и идеологию оседлой аристократии. Роль согдийцев при каганских дворах исследована С. Г. Кляшторным⁷.

Общность некоторых областей материальной культуры оседлых народов Средней Азии и кочевников-тюрков связана с известной общностью интересов согдийских городов и тюркских каганов. Колонизационная деятельность согдийцев и их международная торговля по путям, проходив-

⁵ D. Schlumberger. Deux fresques Omeyyades. «Syria», t. XXV.

⁶ Новый подход к культуре тюркских государств VI—X вв. как к единой системе предлагает А. Д. Грач (А. Д. Грач. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени. «Туркологический сборник», М., 1966, стр. 168—193).

⁷ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.

шим через степь, была политически выгодна и приносила доходы тюркским каганам, которые покровительствовали согдийцам.

Изучение взаимоотношений кочевников степей и городов Средней Азии дает возможность нового подхода к одной из сложных проблем археологии Средней Европы — вопросу о втором Аварском каганате⁸. В конце VII в. в Карпатской котловине на смену штампованным поясным наборам приходят литые, орнаментированные лозой и грифоном. В это же время в небольшом количестве появляется так называемая «желтая керамика», не имеющая аналогий в местном материале. Ряд исследователей полагают, что изменения связаны с приходом какого-то нового народа, прародину которого искали на Каме. Однако это у хронистов того времени, которые внимательно следили за событиями на своих границах, не отмечается. Археологические находки Прикамья не дают материалов для локализации там прародины второй волны аваров. Ряд исследователей отрицают эту вторую волну. Однако перемена поясных наборов имеется, и ее надо объяснить. Д. Бяликова на основании изучения «желтой керамики» ставит вопрос о среднеазиатско-аварских связях⁹. И. Вернер обратил внимание на сходство среднеазиатско-сибирских частей поясных наборов с литыми накладками и наконечниками, украшенными грифоном или лозой, с территории Дунайского бассейна¹⁰.

Ремесленные изделия с территории Карпатской котловины, находящие аналогии в среднеазиатско-сибирском материале, могут быть связаны с появлением в этой области какой-то небольшой группы мастеров из Согда. Предприимчивые согдийские ремесленники и купцы селились в весьма отдаленных от их родины областях: в Китае, Туве, Монголии. В 576 г. с посольством византийского императора к тюркскому кагану из Константинополя возвратились 100 среднеазиатских купцов. Возможно, что среднеазиатские ремесленники попали в Аварский каганат в тот момент, когда там перестали получать византийскую дань. Надо отметить, что часть пряжек, находимых в ранних аварских могилах, изготовлена в византийских мастерских. Можно предположить, что по образцам, изготовленным приезжими ремесленниками, была выпущена большая серия подобных вещей. Здесь могло иметь место такое же быстрое распространение новых типов поясных наборов, как во втором Тюркском каганате.

Постановка вопроса о взаимоотношениях города и кочевников Средней Азии важна как в связи с проблемами генезиса культуры кочевых государств раннего средневековья, так и для выяснения вопроса о культурной и экономической роли согдийского города.

⁸ См. последний обзор по этому вопросу в статье: Zlata Cilinska. Zur Frage des zweiten awarischen Kaganats. SA, XV—2. 1967, S. 447—454.

⁹ D. Bialeková. Žltá keramika z pohrebiškov obdobia Avarskej ríše v Karpatskej kotline. SA, XV—I, 1967, s. 5—76.

¹⁰ I. Werner. Zum Stand der Forschung über die archäologische Hinterlassenschaft der Awaren. «Beiträge zur Südosteuropa-Forschung». München, 1966, S. 310—314.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В. И. РАСПОПОВА

КВАРТАЛ ЖИЛИЩ РЯДОВЫХ ГОРОЖАН ПЕНДЖИКЕНТА VII — VIII вв.

В результате многолетних систематических работ на городище древнего Пенджикента вскрыты большие площади, занятые главным образом жилищами горожан. Раскопки Пенджикента показали, что раннесредневековые города Средней Азии состояли из кварталов сплошной застройки¹. В восточной части городища наметились четыре квартала, границы которых определяются улицами. Эти кварталы состояли главным образом из богатых жилищ². На нескольких участках городища Пенджикента исследованы и менее богатые жилища³.

В юго - западной части городища раскопан квартал жилищ рядовых горожан VII—VIII вв. (верхнее здание объекта XII), результатам исследования которого и посвящена настоящая статья⁴. В плане квартал представляет собой почти прямоугольник, вытянутый с севера на юг. Оконтурены внешние, фасадные стены, а также вскрыты слои прилегающих улиц и дворов (рис. 1).

Исследовано 10 жилых комплексов и одна мастерская (рис. 2 и 3).

Первый комплекс состоит из трех помещений (8, 6, 10 с выходом во двор — пом. 12); второй — из пяти помещений (37, 4, 9, 2, 7 с выходом во двор — пом. 12); третий — из четырех помещений (22, 5, 17, 21); четвертый — из трех помещений (18, 13, 19), к которым в последнем периоде было присоединено еще одно — 24; пятый — из двух помещений (23, 24); шестой — из двух помещений (31, 32; в пом. 31 прослеживаются два строительных периода) с выходом в айван — пом. 36, 38; седьмой — из трех помещений (30, 33, 29; в пом. 30 прослеживаются два строительных периода); восьмой — из четырех помещений (28, 27, 25, 26); девятый — из двух помещений (15, 11); десятый — из пяти помещений (14, 16, 20, 3, 34), от второго этажа частично сохранилось пом. 1; одиннадцатый — из двух помещений (35 — мастерская и 39).

Стены большинства помещений сложены из сырцового кирпича.

Планировка жилых комплексов однотипна: все они имели «вестибюль», в который попадали с улицы; обычно в «вестибюле» имеется лестница или пандус, которые вели в помещения второго этажа; через «вестибюль» попадали также в помещения первого этажа, число которых невелико — от одного до четырех.

¹ А. М. Беленицкий. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента. СА, 1965, 3, стр. 178—195.

² Б. Я. Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг. МИА, 124, 1964, стр. 121—181; О. Г. Болшаков. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III. МИА, 124, 88—120.

³ Е. В. Зеймалъ. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.). МИА, 124, стр. 244—264.

⁴ На участке южнее этого квартала вскрыты слои с остатками построек более раннего времени — V—VII вв. (Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. МИА, 124, стр. 182—243).

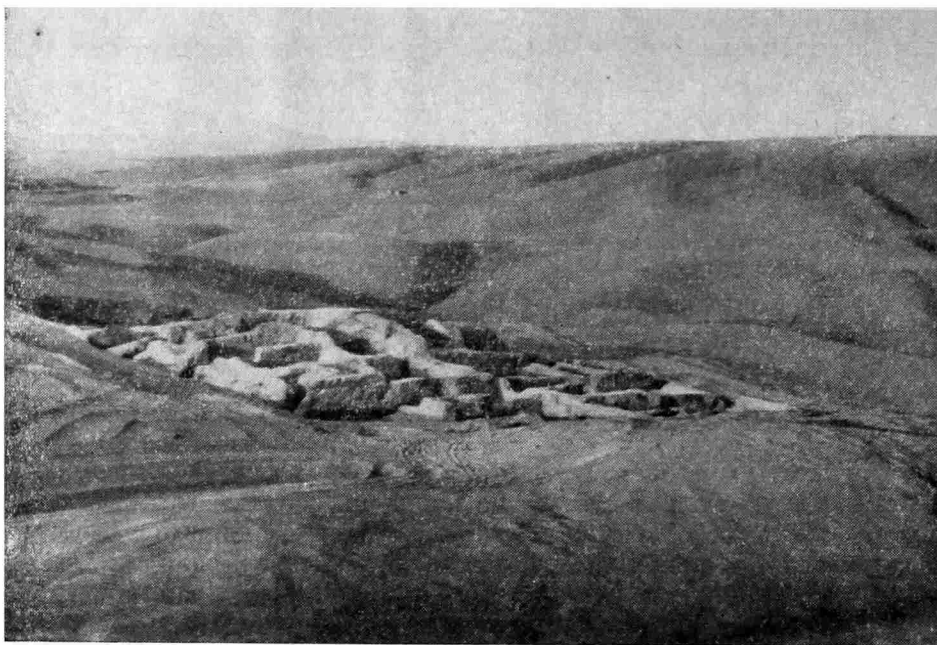

Рис. 1. Общий вид квартала с северо-востока

Наряду с жилищами раскопаны остатки мастерской, находившейся в юго-западной части квартала. Помещение имело плоскую кровлю. Почти в центре помещения сохранилось гнездо от столба, служившего опорой для перекрытия. Северо-восточный угол занят «ванночкой», дно и стены которой были покрыты алебастровой обмазкой. Края «ванночки» обложены одним рядом сырцового кирпича.

К северной стене помещения пристроена невысокая (высотой 10 см) суфа. У юго-западного угла суфы лежал плоский камень с очень ровной поверхностью, немного заходивший под суфу. У западной стены находилась другая суфа, с южной стороны которой, чуть заходя под нее, лежал жернов, обращенный гладкой поверхностью вверх. Над жерновом в стене была сделана нишка, еще одна нишка обнаружена в восточной стене. В этом помещении найдены небольшая бронзовая цепочка из семи звеньев, овальная сердоликовая заготовка для печати, бронзовая «булавка» с шаровидной головкой, которая, видимо, является не готовым изделием, а заготовкой (рис. 4, 12, 13, 18). Судя по всему, перед нами мастерская ювелира, где работали два человека: сохранилось два «рабочих места» — суфы с каменными «наковальнями», находившимися справа от сидящего на суфе.

Мастерская датируется VII в. по керамике (чаши, фрагменты кувшинов типа VI комплекса XII объекта нижнего здания)⁵ (рис. 5, 37—44) и по найденным на полу двум монетам типа деградированного у-шу.

Поверх суф мастерской шел уровень пола, относящегося к более позднему периоду жизни этого помещения. Когда помещение запустело, то некоторое время оно использовалось для свалки.

Исследованные комплексы по данным стратиграфии и нумизматики мы можем датировать с точностью около полувека.

На табл. 1 приведены монеты, имеющие достаточно твердые датировки. К ним относятся монеты Вархумана, Тукаспадака, Тархуна, Гурека, Тургара, так называемой пенджикентской царицы и арабские фельсы⁶.

⁵ Б. И. Маршак. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дис. Л., 1965, стр. 19, 20.

⁶ О. И. Сиринова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

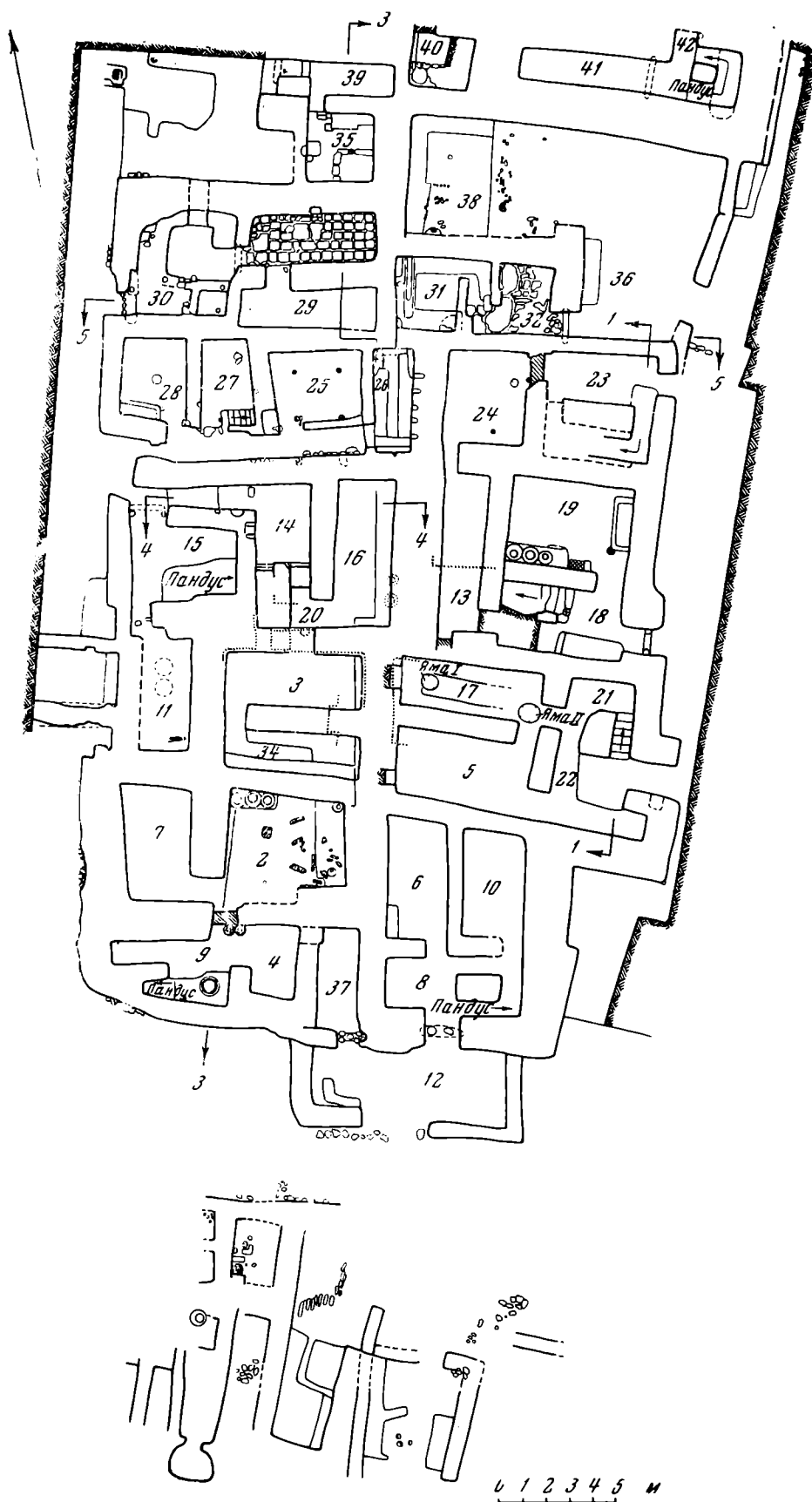

Рис. 2. План квартала
Точечным пунктиром обозначены остатки второго этажа

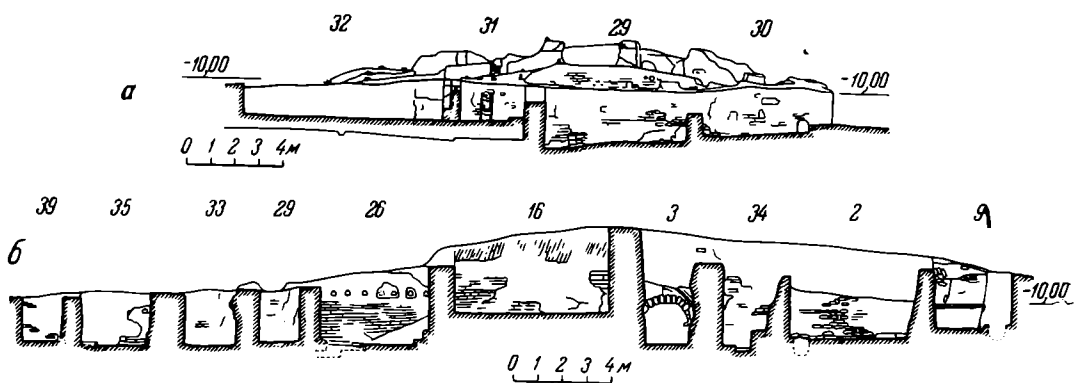

Рис. 3.

а — разрез 5—5 (восток — запад); б — разрез 3—3 (север — юг)

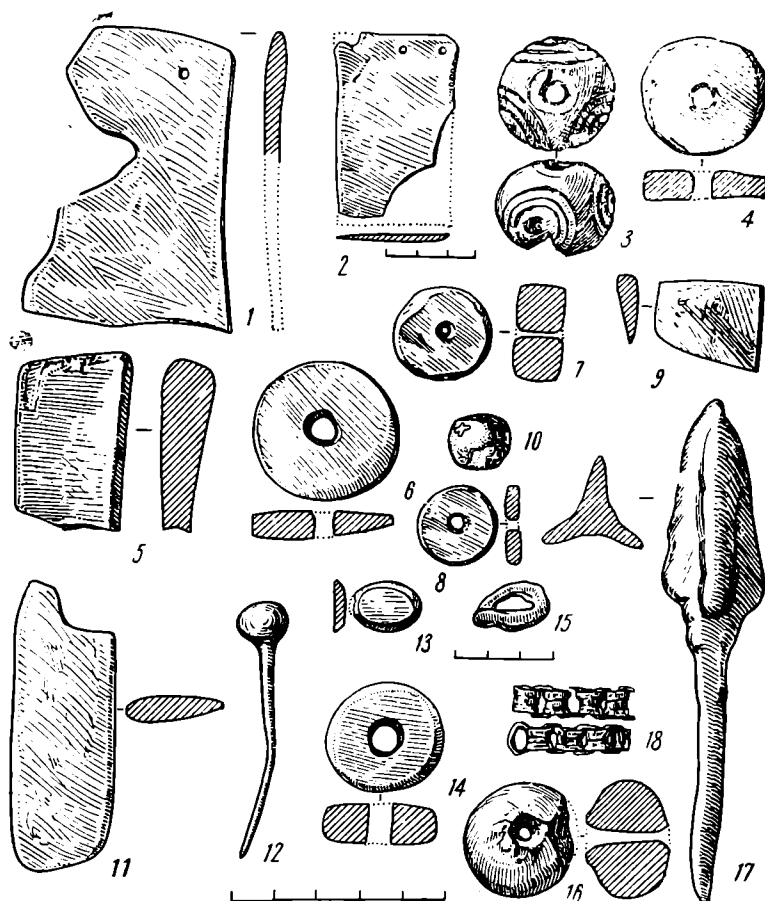

Рис. 4. Находки из помещения 35

1, 2, 9, 11, 15, 17 — железо; 3, 4, 6—8, 12, 14, 16 — керамика; 5 — камень; 10, 13 — сердолик; 12, 18 — бронза. 1—6, 9, 10 найдены в завале помещения 35; 7, 8 — в завале помещения 39; 11—17 — на полу мастерской

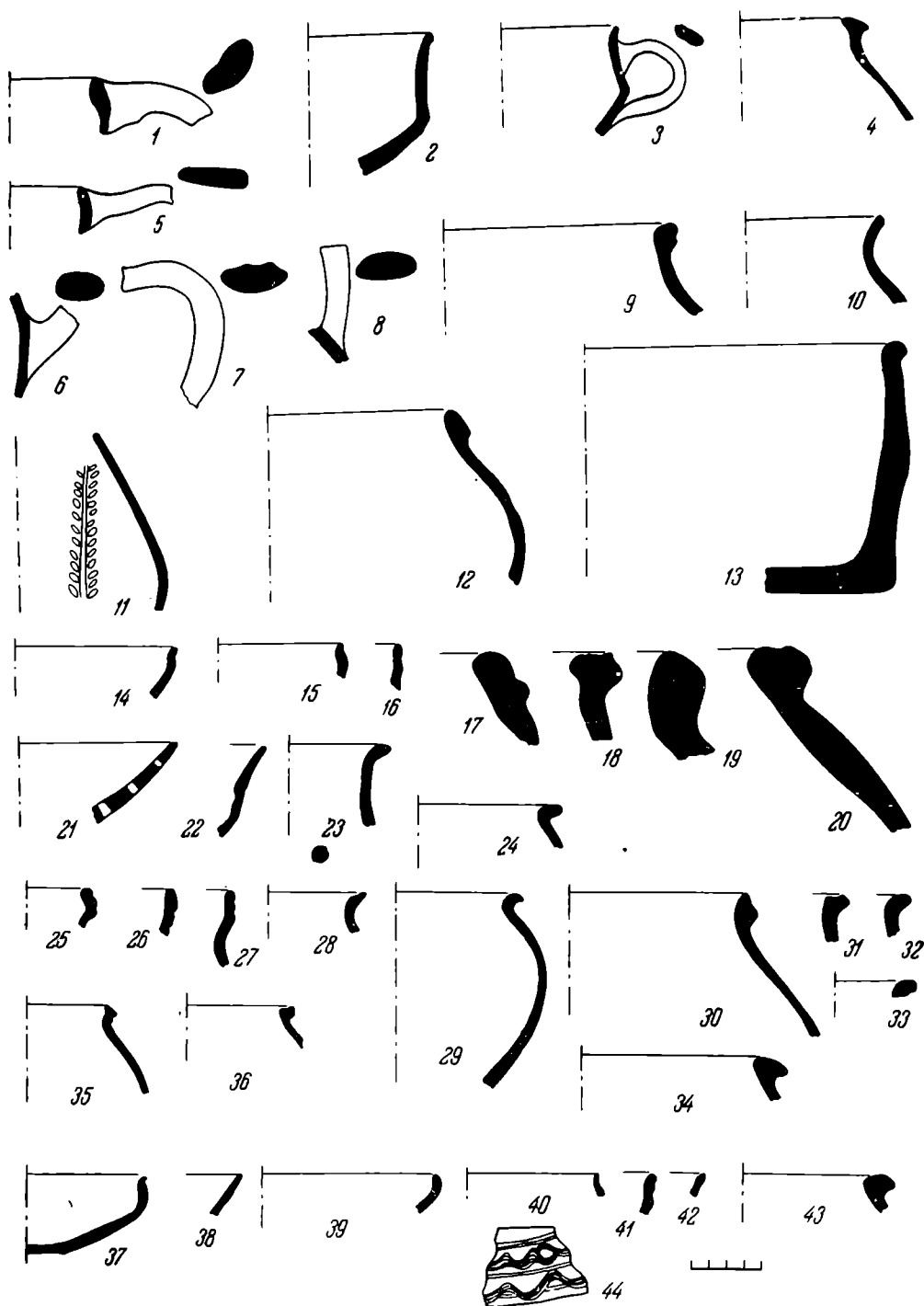

Рис. 5. Керамика из помещения 35

1—13 — из заполнения над верхним полом; 14—36 — из свалки на верхнем полу; 37—44 — с пола мастерской. 10, 13 — лепные; 11 — покрыт белым ангобом; 22 — обломок сосуда с волнистым бортом; 14, 15, 23, 31, 35, 36 — с красным ангобом; 32 — с оранжевым ангобом; 37, 40 — двусторонний красный ангоб; 44 — черный ангоб

Раскопки последних лет в Согде позволили уточнить датировку монет типа деградированного у-шу⁷, Укара⁸, Бидйана⁹, монет Гурека с изображением квадратного отверстия¹⁰.

На табл. 1 приводится также стратиграфическая характеристика монет: на полах, между полами, в завале над верхним полом. Таблица показывает, что гибель комплексов I—IV относится к периоду после 770 г., даты, обозначенной на самых поздних фельсах. Выходы из этих комплексов связаны со слоями улицы, в которых найдены фельсы. По стратиграфическим данным, комплекс X одновременен с комплексами I—IV. Уровни полов этих комплексов совпадают, а выход из X комплекса приходится на слой улицы, где найдены фельсы. Все помещения этих комплексов имеют только один уровень жизни.

Жизнь в комплексах VII, VIII, XI прекратилась в начале VIII в. Верхя стен помещений этих комплексов перекрыты слоем, на который выходит пол комплекса X.

Помещения V комплекса выстроены значительно раньше помещений комплекса IV: при присоединении помещения 24 к IV комплексу был прорублен проход, пол поднят. Нижний пол помещения 24 и пол помещения 23 находятся на одном уровне с полом помещений 25 и 26 VIII комплекса, а также приблизительно на одном уровне с нижним полом помещений VI комплекса.

Первый период жизни помещений VI комплекса падает на начало VIII в., о чем свидетельствует находка в припольном слое помещения 32 двух монет Гурека.

Комплекс IX по уровню соответствует комплексу VIII. При постройке помещения 11 использованы стены, относящиеся к помещению VI в.

Постройка комплексов I, II и, вероятно, остальных, связанных с ними, датируется не раньше начала VIII в. по находкам монет в подстилающем слое¹¹. Но поскольку в начале VIII в. в комплексах VII, VIII, XI жизнь еще не прекратилась, то постройку жилищ, погибших после 770 г., можно отнести к несколько более позднему времени.

По-видимому, постройка комплексов I—IV, X совпадает по времени с восстановлением зданий III и XIV объектов Пенджикента около 740 г.¹²

Время постройки комплексов, окончательная гибель которых относится к первой трети VIII в., не может быть установлена так точно. Во всяком случае их постройка относится к VII в. В забутовке ранней стены VII комплекса найдена монета Вархумана, что датирует постройку не ранее середины VII в. Мастерская, входившая в XI комплекс, возникла несколько раньше, о чем свидетельствует керамика более архаичного характера, найденная на полу.

Таким образом, все комплексы делятся на две группы. К первой группе относятся комплексы V, IX, XI, постройка которых датируется VII в., а запустение — первой третью VIII в. (В дальнейшем будем называть эти комплексы ранним зданием).

⁷ Монеты этого типа найдены в Пенджикенте в слое VII в. нижнего здания XII объекта (Б. И. Маршак. Керамика Согда V—VII вв., стр. 20).

⁸ Монеты Укара найдены при раскопках в Чпеле в комплексе второй половины VII в. Раскопки Я. К. Крикиса и Б. И. Маршака в 1962—1963 гг.

⁹ Отождествление «Бидйана» с предшественником Диваштича, упоминаемым в документе В-8 с горы Муг, позволило датировать монеты с этим именем не позже 708 г. (см. О. И. Смирнова. Ук. соч., стр. 15—17). О. И. Смирнова допускает также отождествление «Бидйана» с Диваштичем. В нашем VIII комплексе в пом. 27 монета Бидйана найдена ниже пола, который в свою очередь не моложе первой трети VIII в. Находка монеты Бидйана на VI объекте в слое, перекрытом постройками IV комплекса, который относится к VIII в., также скорее свидетельствует в пользу отождествления «Бидйана» не с Диваштичем, а с его предшественником (Б. Я. Ставский. Ук. соч., стр. 174).

¹⁰ О. Г. Большаков. Ук. соч., стр. 117, 118.

¹¹ Б. И. Маршак. Отчет о работах на XII объекте..., стр. 221, 222.

¹² О. Г. Большаков. Ук. соч., стр. 119; Е. В. Зеймаль. Ук. соч., стр. 258.

Распределение монет по комплексам

Место находки		VII в.	Вторая половина VII в.	Рубеж VII—VIII в.	Первая треть VIII в.	Сережина VIII в.	Третья четверть VIII в.
комплекс	помещение						
I	10, завал				Царица		ал-Аш'ас
II	10, пол			3 Бидйан	Гурек		клад аббасидских подражаний бухар худатским монетам
	12						Да'уд
III	5, пол						5 ал'Аш'ас
	17, завал					Тургар II	
	21, пол					Тургар II	
IV	22, пол			Тархун (?)	Царица	2 Тургара II	ал-Аш'ас
	13, пол				Царица		ал-Джунайд
	18, пол						2 ал-Аш'ас
	19, завал			Бидйан			2 фельса
V	24, завал		Укар				ал-Джунайд
	24, между полами						2 ал-Аш'ас
X	34, завал		Вархуман				2 фельса
	14, завал					Тургар II	
VI	32, завал			Бидйан	2 Гурек		
	32, между полами				Гурек II		
	36, второй сверху пол						
VII	30, завал			Бидйан			
	30 в забутовке ранней стены		Вархуман				
	30, нижний пол			Бидйан			
	33, завал			Бидйан	Царица (?)		
VIII	33, ниша			Бидйан	Царица		
	25, завал	2-й деградировавший тип у-шу	Вархуман				
	25, второй пол						
	26, пол			Тукаспадак			
	27, завал			Бидйан	Царица		
	27 между полами						
IX	35, пол мастерской	2 деградировавший тип у-шу					
	39, завал		Вархуман (?)	Тархун (?)		Тургар II	

Во вторую группу входят комплексы I—IV, X, постройка которых относится к периоду около 740-х годов, а гибель — к периоду после 770 г. (Эти комплексы будем называть поздним зданием).

Позднее здание представляет собой компактный массив помещений, возведенных заново. От предшествовавших построек использованы только

отдельные участки стен. Позднее здание отличается от других объектов Пенджикента, где слои 740—770 гг. почти всегда связаны с новыми уровнями полов в старых стенах¹³. Это дает новые данные о характере и масштабах восстановления города после разгрома 720-х годов.

Для здания 740—770-х годов характерны жилые комплексы со средней площадью по первому этажу около 51 м²¹⁴; I комплекс без двора — 40 м²; II комплекс без двора — 49 м²; III комплекс — 50,5 м²; IV комплекс — 58 м², а с присоединением пом. 24 — 72 м²; X комплекс — 57 м².

Более ранние комплексы значительно меньше, их средняя площадь около 28 м²: V комплекс — 35 м²; VI комплекс — 20,5 м²; VII комплекс — 27,5 м²; VIII комплекс — 46,5 м² (до пристройки пом. 28 площадь комплекса была 36,5 м²); IX комплекс — 25 м²; XI комплекс — 15,5 м².

Таким образом, средняя площадь комплексов позднего здания почти в 2 раза больше средней площади ранних комплексов. Необходимо отметить, что площади отдельных комплексов внутри каждой группы мало отличаются от средних значений.

Вероятно, средняя площадь комплекса может служить важным показателем социальной и хронологической характеристики квартала жилищ.

На объекте XIV, расположенном недалеко от нашего квартала, раскопано пять жилищ, построенных примерно в то же время, что и наши ранние комплексы. Их средняя площадь около 34 м².

Сходный по планировке бедный комплекс III объекта VI, который, по мнению Б. Я. Ставиского, запустел раньше соседних комплексов, погибших в 20-е годы VIII в., имеет площадь около 28 м²¹⁵.

Все это позволяет предположить, что жилища небогатых горожан Пенджикента VII в. имели среднюю площадь нижнего этажа около 30 м².

Как уже отмечено, средняя площадь комплексов позднего здания нашего квартала увеличивается. Изменения касаются не только площади, но и планировки.

Жилая комната относительно большой площади с плоским перекрытием имеется в четырех из шести ранних комплексов объекта XII, в трех из пяти — объекта XIV. Помещения комплекса III объекта VI также имели плоское перекрытие. Эта особенность планировки прослежена и при раскопках зданий V—VII вв. XII объекта¹⁶. В помещении 25 VIII комплекса плоское перекрытие поддерживалось четырьмя столбами, такие же небольшие помещения с четырьмя столбами характерны для жилищ нижнего слоя Пенджикента. В помещении 25 высота потолка 2 м, над ним было помещение второго этажа. Такой же высоты было помещение 13 нижнего слоя, над ним также был второй этаж¹⁷. Это сходство помещений нашего раннего комплекса VIII с нижним слоем неудивительно, так как они близки по времени.

В постройках более позднего здания это сходство исчезает. Помещения становятся выше (до 2 м 7 см), просторнее, построены более монументально, в нижнем этаже (за двумя исключениями) они имели сводчатое перекрытие.

Для поздних комплексов, так же как и для восточного района Пенджикента, характерны пары сводчатых помещений, расположенных параллельно друг другу. Этим обеспечивалась устойчивость и надежность конструкций второго этажа, которые опирались на своды.

Во всех жилищах большое значение придавалось «вестибюлям». В них устраивались лестница или пандус, опиравшиеся на массивный сырцовый

¹³ О. Г. Большаков. Ук. соч., стр. 115, 116; Е. В. Зеймаль. Ук. соч., стр. 260.

¹⁴ При подсчете суммировалась площадь помещений без площади, занятой стенами.

¹⁵ Б. Я. Ставиский. Ук. соч., стр. 134—136, 168, 172—175.

¹⁶ Б. И. Маршак. Отчет..., стр. 192—198.

¹⁷ Там же, стр. 200, 201.

столб. Марши лестниц и пандусов шли по сводам, под которыми имелись проходы в другие помещения и кладовки. В тех «вестибюлях», которые лучше сохранились, как, например, в IV, X комплексах, мы видим, как они были оформлены (рис. 6 и 7). В углу при выходе иногда устраивалась суфа. В дугу свода помещения вписывались две арки разной высоты, более высокая арка выводила на лестницу, а более низкая, отделенная от нее лестничным столбом, перекрывала узкий коридор, проходивший под вторым маршем лестницы. Этот же архитектурный прием применен в помещении 12 объекта IX¹⁸, которое, судя по монетным данным¹⁹, может быть отнесено к тому же времени, что и наше позднее здание.

Такое оформление, будучи функционально оправданным, в то же время придавало помещению парадный облик. Отделка сводов и стен была чрезвычайно тщательной. На гладкой верхней штукатурке сохранились следы краски. Парадность оформления «вестибюля» объясняется тем, что из него по лестнице попадали в парадную часть жилища. Об этом мы можем судить по комплексу X, где на втором этаже частично сохранился квадратный зал с суфой вдоль стен и, по-видимому, с деревянными колоннами. В этот зал попадали через «вестибюль», который хорошо сохранился. Рядом с залом на втором этаже над помещением 16 находилась кухня с очагом. Здесь же в хумах, врытых в пол, хранились припасы. В завале помещения 16 найдено несколько котлов и кувшинов, происходящих из этой кухни.

Помещения нижнего этажа этого комплекса имели общий выход в «вестибюль», причем дверь была снабжена деревянным замком. Таким образом, жилище делилось на две части: более доступную парадную и внутреннюю, запиравшуюся специальным замком.

Некоторые помещения нижнего этажа служили, вероятно, кладовыми, поскольку они были лишены естественного освещения. Таким было расположенное под залом помещение 34, в котором большая часть площади была занята высокой суфой. Такие суфы могли служить полками для хозяйственных нужд, как это бывает в современных жилищах в верховьях Зеравшана²⁰.

Парадные залы раннего и позднего зданий (помещения 1 и 25) по своей планировке напоминают четырехколонные залы аристократических жилищ, характерных для среднеазиатской архитектуры VI—VIII вв.²¹

Парадная часть жилища в позднем здании находилась на втором этаже. Но наряду с единством принципов планировки в отдельных жилищах прослеживаются индивидуальные особенности. Так, в комплексе IV помещение с очагом и вкопанными хумами находилось в нижнем этаже, но рядом с лестницей.

Своеобразно были оформлены сводчатые помещения III комплекса, в его торцовых стенах устроены глубокие сводчатые ниши²². В одном из этих помещений в полу были вырыты две ямы-хранилища, закрытые крышками, которые покрывала обмазка пола. Одна из ям, наполненная просом, была так хорошо замаскирована, что сохранилась нетронутой до наших дней. Такая маскировка не удивительна, если учесть тревожную обстановку в Согде во время восстания Муканна, с которым связывается гибель города, и в частности данного здания.

Позднее здание XII объекта, так же как и отдельные комплексы III объекта и дом 3 в пригороде, погибло от пожара²³. В помещениях с балочным перекрытием (1, 2), ясно прослеживаются следы пожара.

¹⁸ В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. МИА, 124, стр. 56, 57.

¹⁹ О. И. Смирнова. Ук. соч., № 882, 918, 919.

²⁰ М. А. Хамиджанова. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1965, стр. 12.

²¹ В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966, стр. 42—47, 65—71, 73, 74.

²² О. Г. Большаков. Ук. соч., стр. 100, рис. 7.

²³ Там же, стр. 119.

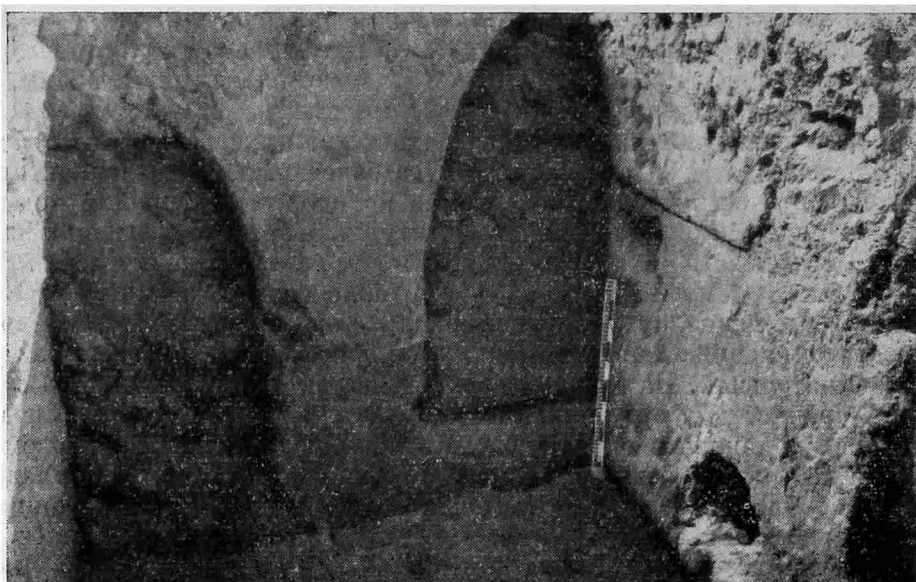

Рис. 6. Помещение 14 X комплекса

Справа — вход на лестницу, слева — проход в жилые помещения нижнего этажа.
Справа в стене очаг; в верхней части той же стены видны остатки свода

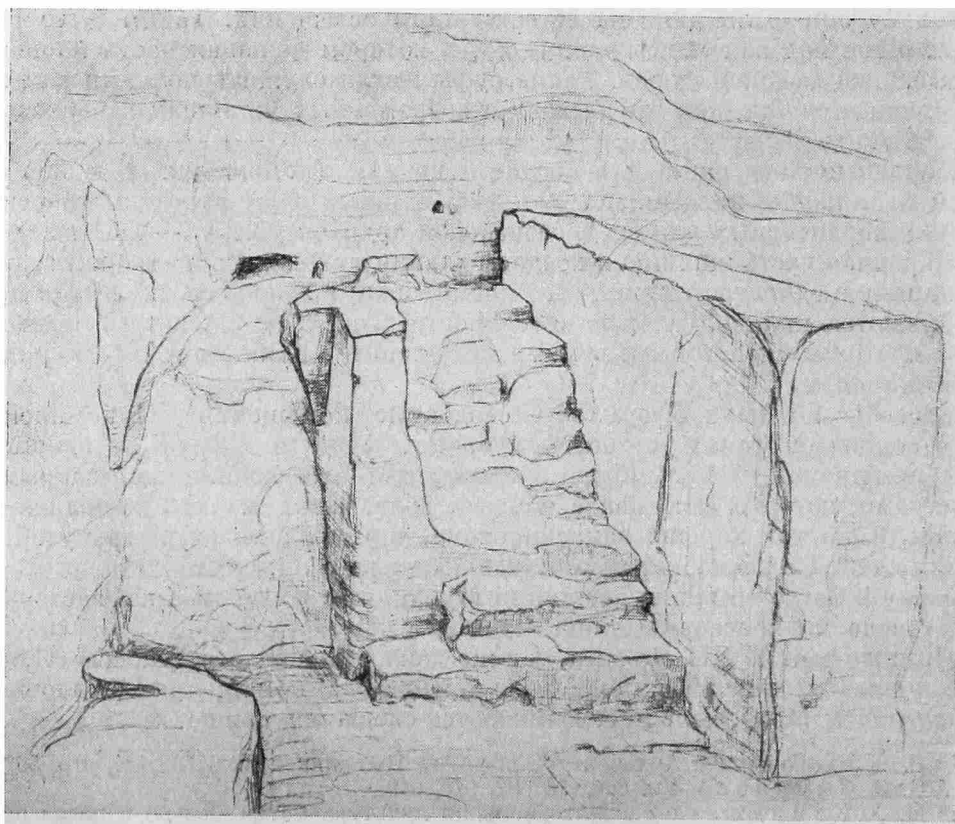

Рис. 7. Помещение 18 IV комплекса с лестницей (рисунок В. Л. Ворониной)

Коротко остановимся на находках. Для обоих зданий XII объекта характерна малочисленность и фрагментарность находок, за исключением керамики. Во всех жилищах позднего здания найдены пуговицы, изготовленные из стенок глиняных сосудов, глиняные и алебастровые пряслища, железные ножи и гвозди. Встречаются обломки бронзовых серег и браслетов, стеклянных сосудов, части поясного набора. Из орудий труда интересен железный скобель, найденный на полу в помещении 37. Необходимо отметить находку каких-то заготовок в виде железных прутьев с пола пом. 2. Представляют интерес грузики для ткацких станков из завалов комплексов II и X, а также заготовка каменной гири, обозначение веса на которой не дописано. Округлые камни с выемками на противоположных сторонах служили, видимо, для растирания орехов²⁴.

В раннем здании в отличие от позднего имеются железные наконечники стрел и обломки панцирных пластин, но отсутствуют части поясного набора.

При раскопках XII объекта получено значительное количество керамики, фиксация которой производилась по помещениям, а внутри помещений — по слоям: керамика с полов, из завалов конструкций, из зольников при очагах, из свалок. Правильность выделения и понимания слоев постоянно проверялась по археологическим разрезам. Такая фиксация позволила выделить сосуды, которыми пользовались жители к моменту гибели или запустения жилищ. Эти сосуды представлены на табл. 2, где они распределены по жилищам и по назначению. Эта группа керамики важна для реконструкции быта.

Намечается некоторое различие и сходство между ранними и поздними комплексами по составу керамики. В каждом жилище приблизительно одно и то же количество котлов, которые находились на первом и втором этажах (около очагов, в среднем по 3—4 котла на жилище). Сосуды для хранения (хумы, котел и кувшин больших размеров) найдены в трех поздних жилищах, в ранних их не было. Кроме того, в ранних комплексах (VII и VIII) больше столовой посуды, чем в поздних.

Для установления датировок керамики важен материал, происходящий из слоев, накопившихся на полу. Обычно эта керамика сильно фрагментирована.

Между керамикой ранних и поздних комплексов намечаются некоторые различия в формах. Для сравнения форм привлекалась керамика из здания второй половины VIII в., с одной стороны, и керамика с полов и припольных слоев раннего здания, с другой стороны. Кроме того, привлекалась керамика из завалов тех помещений раннего здания, в которых не было поздней свалки.

Между керамикой из раннего и позднего зданий имеются существенные различия и в количественном соотношении отдельных разновидностей (см. табл. 3).

В 40—70-е годы VIII в. лепной посуды употреблялось больше, чем в более раннее время. Это соответствует наблюдению О. Г. Большакова над изменениями керамики на III объекте Пенджикента²⁵.

В столовой посуде этого времени по сравнению с более ранним также происходят изменения: прежде всего резко уменьшается число чаш, что частично компенсируется увеличением числа лепных мисок. Не случайно многие лепные миски являются подражанием формам столовой посуды, которая в свою очередь связана с металлической посудой.

По формам наиболее существенные изменения претерпевают кружки. В 40—70-х годах VIII в. выходят из употребления кружки цилиндрической формы и появляются новые, ранее неизвестные цилиндрико-конические, верхняя и нижняя часть которых примерно одинаковой высоты, они

²⁴ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. II. Сталинабад, 1958, стр. 92.

²⁵ О. Г. Большаков. Ук. соч., стр. 120.

Распределение сосудов по комплексам

	Столовая посуда	Водоносные кувшины	Хумы	Котлы	Сосуды разного назначения	Всего
V		Кувшин лепной на матерчатом шаблоне (пом. 23, завал)			Светильник лепной (пом. 23, завал)	
Всего		1			1	2
VII	2 кружки, одна цилиндрическая, другая с округлым плечиком (пом. 29, пол) Миска с красн. пачкающим ангобом и цилиндрическая кружка с таким же ангобом (пом. 33, пол) Чаша с пачкающим ангобом (пом. 30, пол)			Котел лепной с двумя ручками (пом. 29, пол) Котел лепной большой круглодонный (пом. 33, завал) Котел лепной (пом. 29, завал)	Воронка (пом. 29, завал) Крышка котла (пом. 29, пол)	
Всего	5			3	2	10
VIII	2 чаши (пом. 27, завал) Чаша (пом. 25, завал) 6 чаш, 1 цилиндрическая кружка (пом. 25—26, завал)	Верх кувшина с ручкой (пом. 28, завал) Кувшин с ручкой (пом. 26, завал)		4 лепных котла, из них 2 крупных (пом. 26, завал)	Миска лепная (пом. 28, завал) Воронка, миска лепная, коническая (пом. 25—26, завал)	
Всего	9	2		4	3	18
VI				Небольшой лепной котел (пом. 32, около очага)		
Всего				1		1
III	Кружка со слюдой и штампованным орнаментом (пом. 22, завал)	Кувшин лепной (пом. 17, яма), использовался для хранения зерна		Котел большой (хранилище) (пом. 17, яма) Котел (пом. 22, пол) Котел (пом. 21, завал)	Столик (служил крышкой ямы в пом. 17)	
Всего	1	1		3	1	6

Таблица 2 (продолжение)

	Столовая посуда	Водоносные кувшины	Хумы	Котлы	Сосуды разного назначения	Всего
IV	Кружка цилиндрико-ковчическая с полукруглой ручкой (пом. 13, завал)		3 хума в яме пом. 19	Котел лепной и котел круговой (около очага в пом. 19) Котел лепной (пом. 19, завал) Котел лепной (пом. 24, завал)	Тагора (пом. 19, завал) Лепная миска с вмятинами (пом. 18, завал) Миска лепная с волнистым бортом (пом. 24, завал)	
Всего	1		3	4	3	11
X	Чаша (пом. 16, завал)	Лепной кувшин 2 кувшина круговых (пом. 16, завал) Кувшин круговой (пом. 14, завал)	2 хума (пом. 16, II этаж)	4 котла, из них 1 маленький (пом. 16, завал) Котел лепной (пом. 34, завал)	Широкогорлый сосуд (пом. 16, завал) Цедилка, лепной горшочек, крышка лепная (пом. 16, завал) Миска лепная коническая (пом. 14, пол) Миска лепная с вмятинами (пом. 34, пол) Миска лепная коническая (пом. 34, завал)	
Всего	1	4	2	5	7	19
Итого	17	8	5	20	17	67

имеют высокопосаженную дуговидную, плоскую в сечении ручку, есть также кружки с округлым плечиком и высоким горлом. Материалы III объекта подтверждают наши наблюдения²⁶. Сходные наблюдения сделал Г. В. Григорьев на материалах Тали-Барзу.

Изменения были и в других видах посуды. Сосуды из раннего здания имеют много общих черт с посудой Пенджикента VI—VII вв., в частности, в раннем здании больше сосудов с красным ангобом, чем в позднем здании. Связующим звеном между керамическими комплексами VI—VII вв. и верхним слоем Пенджикента является керамика с пола мастерской, которая относится к VI комплексу нижнего здания XII объекта, а непосредственно над полом мастерской лежит слой с обломками сосудов рубежа VII—VIII вв.

Подведем некоторые итоги.

1. Исследованные жилища делятся на две группы — более раннюю — VII — первой трети VIII в. и более позднюю — 740—770-х годов.

2. Исследование позднего здания дает новые материалы, позволяющие судить о характере и объеме восстановления Пенджикента после разгрома 720-х годов.

3. Между жилыми помещениями раннего и позднего зданий имеются значительные архитектурно-планировочные различия.

²⁶ Там же, рис. 8.

Сравнение керамики раннего и позднего зданий

Помеще- ния	Кружки	Чашки	Столовые кувшины	Лепные миски	Водоносные кувшины	Широкогор- лые сосуды	Котлы крутовые	Котлы лепные	Хумы	Прочие лепные	Прочие гончарные	Всего лепных	Всего
Раннее здани	15	48	14	4	22	24	17	15	37	4	3	23	203
Позднее здание	14	19	9, из них 1 лепной	14	16, из них 1 лепной	19, из них 1 лепной	18	24	35	8	7	49	183

Наблюдения над средней площадью жилищ исследуемого квартала позволяют заключить, что средняя площадь жилища является важным показателем социальной и хронологической характеристики жилища.

4. Получены данные для реконструкции набора посуды, которой пользовалась рядовая согдийская семья в конце VII — первой трети VIII в. и в 740—770-е годы.

5. Выявлены различия между находками, в том числе и керамикой из раннего и позднего зданий. Комплексы керамики VII—VIII вв. из Пенджикента получают датировки с точностью до полувека.

6. Общий характер жилищ, состав находок свидетельствуют о том, что эти жилища принадлежали рядовому городскому населению. О занятиях населения квартала судить трудно. Связи с сельским хозяйством не наблюдаются. Ремесленное производство засвидетельствовано в одном комплексе раннего здания и, возможно, в одном — позднего здания.

Мастерская раннего здания находится у внешней стены жилища. Многочисленные мастерские восточной части города также в большинстве случаев не связаны с жилищами, нередко аристократическими, к которым они примыкают²⁷. Ясно, что эти ремесленники и торговцы жили не в аристократических кварталах, там они только работали и торговали. Скорее всего, они жили в кварталах, подобных исследованному нами.

V. I. Raspopova

QUARTIER DES HABITATIONS DES SIMPLES CITADINS DE PENDJIKENT DES VII — VIII SS.

Résumé

Dans la partie sud-ouest de l'oppidum d'ancien Pendjikent est fouillé un quartier des simples citadins des VII—VIII ss. Dans ce quartier 10 habitations et un atelier d'un bijoutier ont été explorés. Les données numismatiques et les observations stratigraphiques permettent de diviser les habitations du point de vue chronologique en deux groupes qui se rapportent au VIIe siècle — premier quart du VIIIe siècle et aux années 740—770. Un édifice est bâti en brique non cuite. Les constructions en voûte étaient largement employées.

La planification des habitations est d'un même type: toutes avaient un «vestibule» dans lequel on entrait de la rue. Habituellement dans le «vestibule» il y a un escalier ou un plan incliné le remplaçant un pandus qui menaient dans les logis du premier étage. Pour pénétrer dans les logis du rez-de-chaussée dont le nombre n'est pas grand, il fallait également passer par le «vestibule».

Dans les logis il y avait des salles d'apparat et les dépôts dans lesquels on a trouvé des fosses ou de grands vases pour le blé. La superficie moyenne des habitations à en juger d'après le rez-de-chaussée un pandus est d'ordre de 28 m² pour les plus anciennes et de 51 m² pour plus récentes.

²⁷ А. М. Беленицкий. Ук. соч.